

**Суворов Александр Васильевич**

# **Письма и бумаги Суворова**

**Из "Суворовского сборника"  
Императорской Публичной  
библиотеки**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
А46

А46      **Александр Васильевич С.**  
Письма и бумаги Суворова: Из "Суворовского сборника" Императорской Публичной  
библиотеки / Суворов Александр Васильевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 90 с.

**ISBN 978-5-519-75758-4**

**ISBN 978-5-519-75758-4**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2023  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



ромъ онъ все еще не исключенъ изъ списковъ русской арміи. Издавая его письма, мы лишь платимъ дань тому благоговѣнію, съ какимъ уже съ дѣтства относились къ его памяти, согрѣтой семейными воспоминаніями. Память его должна быть свободной отъ прикрасъ. Онъ не любилъ ихъ живой и не нуждается въ нихъ—мертвый.

Въ заключеніе, считаемъ своимъ долгомъ съ глубокою признательностью упомянуть о томъ радушномъ содѣйствіи нашей работѣ, которое мы находили въ лицѣ директора Публичной Библіотеки Н. К. Шильдера, И. А. Быкова, проф. В. А. Жуковского, А. Т. Кайдалова, И. Я. Кульнева, В. П. Ламбина, В. В. Майкова, С. Л. Пташицкаго и В. И. Саитова.

Подробный указатель лицъ и предметовъ будетъ приложенъ къ послѣднему выпуску изданія.

Кеммерль, сентябрь 1900 г.





## ВВЕДЕНІЕ.

### I.

Для исторіи Суворова, главнымъ образомъ для его частной жизни, имѣетъ огромное значеніе такъ называемый „Суворовскій Сборникъ“, собраніе писемъ и бумагъ великаго полководца.

„Въ предметахъ чтенія“, говоритъ князь Вяземскій о письмахъ Карамзина <sup>1)</sup>, „нѣтъ ничего болѣе занимательнаго, болѣе умиротельнаго—чтенія писемъ, сохранившихся послѣ людей, имѣющихъ право на уваженіе и сочувствіе наше. Самыя полныя, самыя искреннія „Записки“ не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, по крайней мѣрѣ, въ ту минуту проговаривающей рукою. Письма—это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ...“ Эти слова вполне примѣнимы и къ нашему собранію.

Прослѣдимъ его литературную исторію.

Основаніе семейному архиву князей Суворовыхъ положилъ самъ генералиссимусъ, на что есть вполне опредѣленные указанія въ его письмахъ. По смерти его документы архива перешли въ собственность племянника его по женѣ, графа Дм. Ив. Хвостова, или, выражаясь словами самого Хвостова, „по особенной довѣренности знаменитаго родственника и благодѣтеля у меня остались“.

Хвостовъ относился съ благоговѣніемъ къ памяти Суворова и бережно хранилъ его автографы. Имъ они переплетены и по-

---

<sup>1)</sup> Памяти Карамзина. Спб. 1866., стр. 17. Отискъ изъ „Сѣверной Почты“ №№ 259—261.

добраны въ хронологическомъ порядкѣ. Послѣ смерти Хвостова въ продолженіе восьми лѣтъ (1835—1843), бумаги, составлявшіе уже двѣнадцать томовъ, находились въ распоряженіи вдовы графа Дм. Ив.—графини Аграфены Ивановны, а затѣмъ, благодаря стараніямъ барона А. Я. Бюлера, — отца извѣстнаго археолога, состоявшаго въ свое время дипломатическимъ чиновникомъ при Суворовѣ,—сынъ графа Дм. Ив., Александръ Дмитріевичъ, послѣдній представитель графской фамиліи Хвостовыхъ, уступилъ бумаги внуку фельдмаршала, князю Александру Аркадьевичу, позже извѣстному генералъ-губернатору прибалтійскихъ губерній.

Князь Александръ Аркадьевичъ, тщательно собиравшій все относившееся къ памяти знаменитаго дѣда, пополнилъ Хвостовскую коллекцію новыми документами,—хотя число ихъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что уже было собрано, не могло быть особенно велико. Эти бумаги заключаетъ пятнадцатый томъ нашего собранія. Кромѣ того, къ князю Александру Аркадьевичу перешли два тома съ подлинными Высочайшими рескриптами Суворову императрицы Екатерины Второй и Павла I, которые находились въ рукахъ дочери генералиссимуса, графини Н. А. Зубовой.

Въ такомъ видѣ „Суворовскій Сборникъ“ достался князю Аркадію Александровичу Суворову <sup>1)</sup> и при его жизни, въ 1884 году, благодаря генералъ-лейтенанту А. Θ. Петрушевскому, автору лучшей монографіи о Суворовѣ, былъ подаренъ имъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, въ С.-Петербургѣ, гдѣ и хранится до сихъ поръ.

„Суворовскій Сборникъ“ состоитъ изъ 14 томовъ и одной папки документовъ различнаго формата, отъ 12° до листа, писанныхъ обыкновенно на бѣлой, рѣдко на цвѣтной бумагѣ. Въ общемъ, они занимаютъ 2739 страницъ, или листовъ. Исходящія бумаги писаны частью лично Суворовымъ, частью секретаремъ его Курисомъ, или писцами. Нѣкоторыя замѣтки Суворова писалъ по-французски, подъ его диктовку, поступившій на русскую службу военный инженеръ, подполковникъ де-Воланъ, человекъ весьма

---

<sup>1)</sup> Для курьеза сообщимъ, что послѣдній представитель княжеской фамиліи Суворовыхъ, князь Аркадій Александровичъ, успѣлъ сдѣлаться какого то рода загадкой для генеалоговъ. Такъ Петрушевскій (III. 420 стараго изданія) называетъ его правильно—Аркадіемъ, Долгоруковъ Родословная Книга II. 66)—Николаемъ. Ту же ошибку дѣлаетъ Руммель, Родословный Сборникъ II. 443). Тоже — въ родословной князей Суворовыхъ въ „Русской Старинѣ“ (1872. Октябрь).

способный и основательно образованный. У некоторых писем сохранились конверты съ большими сургучными печатами со знаменами, пушками и саблями и девизом Суворова: *Virtute et veritate*.

Большая часть Хвостовскаго собранія, повидимому, дошла до насъ; по, къ несчастью, оно не избѣгло цензорскихъ рукъ. Нѣкоторыя письма, почему либо неудобныя для храненія, были уничтожены, текстъ другихъ обрѣзанъ или въ серединѣ, или въ нижней части, а иногда почти цѣликомъ. Въ одномъ письмѣ Потемкина къ Суворову, отъ 29 апрѣля 1787 года, оборвано нижнее поле съ текстомъ, кажется, для болѣе удобнаго приложенія сургучной печати. Часть писемъ утрачена или перешла въ постороннія руки и уже обнародована. Въ общемъ, утеряны 32 листа <sup>3)</sup>

И все-таки, нѣтъ ни одного столь богатаго собранія документовъ и писемъ, относящихся до Суворова. Уже по одному ихъ количеству мы можемъ составить весьма полное представленіе о частной и духовной жизни величайшаго русскаго военнаго генія. Въ этихъ отрывочныхъ, не досказанныхъ, затемненныхъ шутками, сарказмами, аллегоріями и плохими стишками и пародіями частныхъ, а иногда семейныхъ интимныхъ бесѣдахъ съ близкими ему людьми ярко очерчивается его своеобразный, рѣзко отличающійся отъ другихъ нравственный обликъ, заслуживающій или глубокаго уваженія, или участія. Военная жизнь затронута менѣе.

## II.

Мы продолжаемъ съ интересомъ читать письма Цицерона, Плинія, де-Севинье и другихъ образцовъ эпистолярнаго слога, но сказать того же о дошедшихъ до насъ письмахъ Суворова не можемъ. Мысль и чувство едва ли могутъ отдохнуть на нихъ. Матеріаломъ для чтенія они могутъ служить лишь въ слабой

<sup>3)</sup> Не лишне приложить ихъ списокъ. Утеряны: папка VI-ая—листъ 42. п. VIII—л. 36—37. 222. п. IX—л. 28. 77—89. 197—198. 216, п. X—л. 56—60. 69—70. 216—217. 246. п. XI—л. 12. 82. 111—112, п. XII—л. 29. 43—48. 89. 210—211. Вырѣзаны: п. VIII—середина 46 л. и нижняя часть листовъ 210—211, п. IX—въ листѣ 26 вырѣзана подпись Суворова, п. XII—часть листа 18 вырѣзана. Бумаги „Сборника“ описаны И. А. Бычковымъ въ „Отчетъ“ Спб. Публичной Библіотекѣ за 1884 г. Спб. 1887. Стр. 12—32.

степени. Тѣмъ цѣннѣе значеніе ихъ для біографіи Суворова и исторіи его времени, хотя, говоря о нихъ, нельзя повторить отзыва редактора „Архива князя Воронцова“, П. Ив. Бартенева, о о письмахъ знаменитаго современника Суворова, канцлера Безбородки: „Русскую исторію въ царствованіе Екатерины и Павла нельзя писать, не прибѣгая къ письмамъ князя Безбородки“<sup>1)</sup>. Мы не хотимъ впадать въ преувеличеніе; но въ нашихъ глазахъ „Суворовскій Сборникъ“—богатѣйшее сокровище, до сихъ поръ остававшееся неразработаннымъ во всей своей полнотѣ.

По словамъ Суворова, онъ былъ только „военный человѣкъ“. Жизнь его —опять-таки цитируемъ его слова—„столь открытая и извѣстная, что никогда, никакимъ біографомъ искажена быть не можетъ“. Очевидно, онъ придаетъ значеніе только боевой своей жизни. Въ противоположность историкѣ Суворова, графу Милютину, взгляды этотъ раздѣляетъ одинъ изъ современныхъ намъ военныхъ авторитетовъ—Дубровинъ<sup>2)</sup>. Съ этимъ взглядомъ нельзя согласиться. Для полноты характеристики, частнаго человѣка нельзя отдѣлять отъ человѣка общественнаго. Въ частной жизни или частной перепискѣ, открываются факты, которые, по тѣмъ или инымъ условіямъ невозможны въ жизни общественной. Если Суворовъ дорогъ намъ, прежде всего, какъ военный дѣятель, онъ глубоко интересенъ для насъ и какъ частный человѣкъ.

Военный геній не можетъ не быть всеобъемлющимъ; военный талантъ—лишь часть нравственнаго и умственнаго цѣлаго. Намъ кажется, военные писатели поступаютъ слишкомъ односторонне, занимаясь почти исключительно военной дѣятельностью Суворова и удѣляя чрезчуръ мало вниманія его личности, его нравственному облику. Самъ онъ мало интересуется своими частными дѣлами; его болѣе привлекаетъ дѣятельность общественная; но онъ, самъ того не подозревая, является симпатичнымъ дѣтелемъ именно въ своей частной корреспонденціи. Изолировать военные дарованія полководца отъ тайныхъ проявленій его воли,

<sup>1)</sup> „Архивъ князя Воронцова“, кн. XIII. Предисловіе, стр. XII.

<sup>2)</sup> „Частная, общественная жизнь Суворова не представляетъ намъ образцовъ достойныхъ подражанія, и въ этомъ отношеніи онъ не выдѣляется изъ заурядной толпы своихъ современниковъ. Если представить себѣ лѣстницу, на ступенькахъ которой разставлены люди по ихъ достоинству и талантамъ, то Суворовъ—какъ частный человѣкъ—затеряется въ толпѣ“. (А. В. Суворовъ среди преобразователей Екатерининской арміи. Спб. 1886. Стр. 3).

стремлений и побуждений не только вредно для всесторонняго его пониманія, но и ошибочно и несправедливо. Малодушно тревожить покой мертвыхъ, вызывать ихъ на судъ исторіи безъ всякой связи съ ихъ убѣжденіями и вѣрованіями, безъ живого участія къ мыслямъ, ихъ одушевлявшимъ; судъ надъ ними будетъ судомъ пристрастія. Александръ Великій, Ганнибалъ, Цезарь, Петръ Великій, Фридрихъ II, Наполеонъ—все были великими полководцами и въ то же время великими администраторами. Къ сожалѣнію, эта сторона ихъ дѣятельности, направленная къ уврачеванію ранъ, нанесенныхъ войною, которой они были представителями, забыта или остается въ тѣни, между тѣмъ ею не слѣдуетъ пренебрегать, если, наряду съ боевою, она имѣла благотворные результаты. Гдѣ всего лучше познакомиться намъ съ затаенными міровоззрѣніями Суворова, съ его идеальною честностью, бережливымъ расходованіемъ имъ чужихъ денегъ, съ его попеченіями о солдатахъ, зоркой наблюдательностью, съ его строгой нравственностью, заботами о своей чести и добромъ имени? Изъ его писемъ мы видимъ, чего онъ хотѣлъ, чего опасался, какое сочувствіе нашелъ къ себѣ и своему дѣлу въ своихъ современникахъ, соразмѣрилъ ли свои силы съ тѣми препятствіями, на борьбу съ которыми обрекли его, и какъ, наконецъ, встрѣтилъ онъ тотъ страшный ударъ, который обрушился на него всей своей тяжестью, послѣ швейцарскаго похода. По характеру своему, Суворовъ твердъ до упорства въ своихъ убѣжденіяхъ, не способенъ измѣнить своему ясно созданному идеалу, поступаться имъ передъ какими либо соблазнами и страхами. И что же! Герой Измаила и Кинбурна, гдѣ онъ, не дорожа своею драгоценною жизнью, самъ ведетъ въ сраженіе свои войска, или Требиі, гдѣ выдвигаетъ въ боевую линію свой „послѣдній резервъ“ — самого себя, человекъ, столько разъ безстрашно глядѣвшій въ глаза смерти, боится интригъ Потемкина, Салтыкова, Репнина! Геній протягиваетъ руку простому смертному, человекъ вѣчный—встрѣчается съ человекомъ его времени и страны. Вотъ почему письма Суворова представляютъ настоящій историческій документъ. Отрицать ихъ значеніе тоже, что признавать ихъ автора какимъ-то сверхъестественнымъ существомъ или унижать его—не имѣла то права.

Содержаніе нашего собранія отличается разнообразіемъ. Здѣсь видны затаенныя движенія души Суворова. Наиболѣе крупные и выдающіеся моменты въ жизни того времени также отчасти отра-

зились въ его письмахъ. Здѣсь столько же фактовъ, сколько разсужденій. „Неумытая истина“ выступаетъ всюду; негронутая, или, если можно выразиться, нетлѣнная жизнь еще теплится въ остывшихъ, но попрежнему яркихъ чернилахъ. Суворовъ дѣлится съ нами своими проектами объ участи горячо любимой дочери, преслѣдуетъ ядовитыми сарказмами своихъ недруговъ, въ родѣ Репнина, Салтыкова, Потемкина или фаворита Зубова, съ глубокой болью въ сердцѣ возмущается несправедливой оцѣнкой своихъ побѣдъ, напримѣръ, штурма Измаила, дѣлится своими опасеніями по поводу интригъ противъ него, частью бывшихъ въ дѣйствительности, частью существовавшихъ въ его воображеніи, — послѣдній характеръ посятъ почти всѣ письма изъ Финляндіи—или безъ прикрасъ, не стѣсняясь, выражаетъ свои взгляды и мнѣнія о современныхъ ему политическихъ событіяхъ, давая при этомъ блестящія по мѣткости характеристики современниковъ.

Часть писемъ—дѣлового характера,—таковы распоряженія Суворова по службѣ, напримѣръ, о возведеніи укрѣпленій на русско-шведской границѣ—часть не что иное какъ планы кампаній. Вторая турецкая война была кончена безъ его участія. О войнахъ, которыя въ то время вела Россія, онъ слышалъ отъ другихъ. Въ Польской войнѣ дѣйствовали Каховскій и Кречетниковъ. Суворовъ могъ проявлять свои боевыя способности лишь на бумагѣ, и вотъ въ одной изъ папокъ мы находимъ черновые наброски составленнаго имъ въ 1793 году плана войны противъ турокъ и представленнаго въ ноябрѣ того же года императрицѣ Екатеринѣ II. Наконецъ, часть писемъ—болѣе или менѣе длинные отвѣты Суворова, написанные на чужихъ письмахъ.

Въ особенности оригинально влась въ этомъ случаѣ переписка съ Хвостовымъ. Письма послѣдняго пересылались обратно почти всегда съ примѣчаніями или лаконическими, между строкъ, замѣчаніями адресата, что, впрочемъ, Суворовъ вообще любилъ дѣлать на интересовавшихъ его письмахъ. Примѣчанія эти иногда такого характера, что ихъ не слѣдовало бы дѣлать въ письмахъ, отчасти обращенныхъ къ дѣвушкѣ-дочери. Необходимо предположить, что, подобно нѣкоторымъ другимъ письмамъ, они „читались-сказывались“ Хвостовымъ. Онъ не читалъ ихъ вслухъ, а только передавалъ ихъ содержаніе Наталѣ Суворовой, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которыя имѣли прямое отношеніе къ ней. Въ письмѣ Хвостову отъ 8 августа 1791 года есть на это опредѣленное указаніе: Письма мои не ввѣряйте, отберите изъ нихъ читать-сказывать.

Одно и то же письмо иногда адресовалось Суворовымъ нѣсколькимъ лицамъ. Напримѣръ, первое по времени письмо къ Хвостову въ „Суворовскомъ Сборникѣ“ адресовано опредѣленно двумъ лицамъ—князю Алексѣю Ивановичу Горчакову и Наташѣ Суворовой. Но настоящимъ адресатомъ былъ несомнѣнно Хвостовъ.

Рядомъ съ оригиналами вездѣ попадаются копии, часто не имѣющія большой цѣны, въ родѣ переписки Суворова съ Разумовскимъ, дошедшей въ плохихъ копіяхъ; затѣмъ выдержки изъ документовъ уже обнародованныхъ, малосодержательныя замѣтки и даже выписки изъ сочиненій напечатанныхъ. Но и это не умалиетъ высокой цѣнности нашего собранія. Правда, документы „Суворовскаго Сборника“ относятся преимущественно къ десяти послѣднимъ годамъ жизни фельдмаршала; но это десятилѣтіе главнымъ образомъ и снискало ему всемірную извѣстность. Не слѣдуетъ забывать также, что послѣдующая его дѣятельность не могла не имѣть связи съ предыдущей, но между ними могли встрѣчаться и дѣйствительно встрѣчаются неясности, не освѣщенные документами. Бумаги Суворова, объясняя хотя частью эти неясности и связывая факты и явленія, стоявшія раньше какъ бы одиноко, безъ всякаго соотношенія къ другимъ, даютъ матеріалъ почти для каждой главы исторіи Суворова, несятъ на себѣ столько же личный характеръ, сколько историческій. Но въ одномъ изъ писемъ Суворова, правда, не нашего собранія, мы встрѣчаемъ чудныя слова, которыми объясняется вся цѣль жизни великаго патріота, дается матеріалъ не для одной главы, а для всей его исторіи: „La réputation est le partage de tout homme de bien; mais je fondais cette réputation dans la gloire de ma patrie dont les succès n'étaient que pour la prospérité — доброе имя должно быть у каждого честнаго человѣка; лично я видѣлъ это доброе имя въ славѣ своего отечества; мои успѣхи имѣли исключительной цѣлью его благоденствіе <sup>1)</sup>“.

### III.

О существованіи Суворовскаго архива, пока онъ находился въ рукахъ Хвостова, знали многіе. Лично Хвостовъ не отказывалъ въ разрѣшеніи пользоваться имъ и кое-что даже напечаталъ

<sup>1)</sup> Письмо Бибікову отъ 25 ноября 1771 г.

самъ. Въ „Духъ Журналовъ“ 1816 г. <sup>1)</sup> помѣщены, съ дозволенія Хвостова, три собственноручныя письма Суворова. Самъ Хвостовъ прислалъ, при письмѣ, три суворовскіе автографа въ редакцію „Невскаго Зрителя“, гдѣ они и были мастерски воспроизведены литографіей <sup>2)</sup>. Хвостовъ не рѣшался печатать писемъ en masse,—онъ, по его словамъ, въ вышеупомянутомъ письмѣ издателю „Невскаго Зрителя“, „боялся иными — нарушить довѣренность покойника, которая мнѣ и по смерти слященна, иными — обременить общество“. Очевидно, частной перепискѣ Суворова Хвостовъ не придавалъ особеннаго значенія.

Въ 1825 г. въ „Сѣверномъ Архивѣ“ появляется автобіографія Суворова, изданная по копіи, хранившейся у Хвостова. Затѣмъ бумаги Суворова зналъ извѣстный археологъ Д. И. Языковъ. Ими несомнѣнно пользовался С. Глинка, напечатавшій въ 1819 году „Жизнь Суворова“, но издавшій свою книгу „съ начинкой“, произвольно измѣняя текстъ или вставляя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фразы, вырванныя изъ другихъ писемъ вълѣдствіе чего приходится лишь пожалѣть, что къ книгѣ Глинки до сихъ поръ еще обращаются какъ къ первоисточнику. Бумаги Суворова служили, между прочимъ, матеріаломъ для извѣстной книги Смита: *Suworow und Polens Untergang, nach archivalischen Quellen*, вышедшей, частью вторымъ изданіемъ, въ Лейпцигѣ, въ 1858 г. Въ этомъ случаѣ, любезность Хвостова простиралась до того, что онъ позволилъ Смиту взять изъ Петербурга часть суворовскаго архива, чтобы работать надъ нимъ въ Виллѣ, гдѣ проживалъ тогда Смитъ. Затѣмъ всѣ суворовскіе документы находились въ рукахъ гр. Милютина, когда онъ готовилъ второе изданіе своего капитальнаго труда — „Исторія войны Россіи съ Франціею въ 1799 г.“. Далѣе, среди лицъ, черпавшихъ матеріалы для своихъ работъ изъ бумагъ Суворова или знакомыхъ съ ними, назовемъ извѣстнаго военнаго историка кн. Голицына, Костомарова, Петрушевскаго и др.

Письма Суворова Хвостову начали было, съ разрѣшенія кн. Александра Аркадьевича Суворова, печататься въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Русской Старины“ 1872 года, но вскорѣ публикованіе ихъ прекратилось.

<sup>1)</sup> Кн. 33, ч. XIV. Стр. 123—126.

<sup>2)</sup> „Невскій Зритель“ Часть шестая. Апрѣль 1821 г. Письмо Хвостова—*ibid.* стр. 86—91.